

КРАЙНИЙ СПРАВА

На физкультуре я стою крайним справа, то есть с конца. Но это, конечно, среди парней только. Хотя и среди девчонок я тоже самый маленький по росту.

Сейчас перемена. Я стою у серой стены в своём сером костюме. А вокруг шум, гул, беготня. Каждый что-то говорит, каждый что-то доказывает.

Вот к двери нашего класса подошла учительница Клавдия Михайловна. Она думает, что всё знает и что главное и умнее её нет... А сама на прошлом уроке не смогла объяснить, почему задачу надо решать так, а не по-другому. Или просто не хотела объяснять, сказав, что так принято... А зачем тогда учительницей быть?... Я и то догадался почему! Долго сидел, но догадался. Просто нам дают конечную формулу, а как вывести – не говорят... А там ведь совсем быстро: нетрудно... Зато, когда знаешь как вывести, – приятно.

До конца перемены осталось совсем немного. Ко мне подошёл Витык Зыкин – длиннющий парень. Он всегда подходит ко мне: встанет рядом и рукой показывает, насколько выше. Он у нас баскетболист, капитан команды. Вроде бы так весёлый парень, хороший. Но всегда злой на что-нибудь: то ему двойку поставили незаслуженно, то сказали чего не так... Он просто думает, что если капитан команды, то всё должно быть подчинено ему и его баскетболу... Но ведь у остальных другие интересы – свои.

...Зазвонел звонок. Все заторопились, заспешили. И мне интересно смотреть, что малыши с испуганным звонком лицами просто бегут в класс. Для них школа – это ещё что-то серьёзное, что-то важное... Ребята же постарше не слишком прибавляют шагу, идут степенно. Ведь они идут на следующую, уже поднадоевшую, отсидку.

БОГАТЫЕ

На самом деле они вовсе никакие не богатые, просто фамилия такая...

В школе по-настоящему с Богатыми дружу только я один, больше никто... Потому что все их зовут вонючками. Да ещё ходят они во всём старом, с заплататами.

Но никто не знает, как живут Богатые! Мать у них пьёт. Она пьёт скрытно, не на людях. Потихоньку напёется, а потом ходит весёлая и противная... Отец, тот приходит поздно, всегда чем-то недоволен, всегда злой.

Поэтому почти всё домашнее хозяйство на ребятах. Антон с Ирой за коровой смотрят, Ирка теперь даже доит. Таня с Олей – за поросёнком, Ленка – за бычком. А Сашка, самый младший, тот каждому помогает...

Мне всегда интересно смотреть, как они со всем легко справляются и потом веселятся. Распахнёт дверь в дом – а там как будто муравейник: один делает зарядку, другой танцует, третий пишет что-то... а Ленка, Ленка всё время жмёт...

...И за водой они тоже ходят вместе, и за дровами.

Антон среди Богатых самый старший и самый умный. Но мне кажется, что он немного зазнаётся, когда помогает делать уроки; или он хочет стать учителем...

Таня с Олей, те в школе любят только физкультуру, они и дома тренируются, особенно зимой – на лыжах. Ирка ничем таким не увлекается: больше всё что-нибудь варит... А вот Ленка, та хорошо шьёт и на рыбалку ходит. Мы с ней на рыбалке и познакомились. Раньше я не знал, что девочки на рыбалку ходят, а теперь знаю... Я, наверно, когда вырасту, на Ленке женюсь, если она согласна будет.

А так, конечно, жалко, что в школе с Богатыми никто не дружит, просто их не знают.

ЗАЧЕМ?

Я никак не могу понять, зачем ребята курят. Ведь от этого им никакой пользы нет. Ну что толку – взрослее что ли от этого становятся? Вот Сашка – и затряхивается, и пепел стряхивает, как его отец. Теперь он, что, взрослый, что ли? Нет, слабак просто, который и может от злости взять только одно курение. Да и у ребят так принято: если курит, так и сильный, и крутой... Конечно, легче всего кой-какое уважение заработать, если закуришь. А чем-нибудь другим очень трудно. Зато когда заработаешь – о-го-го!

Вот я ещё заметил, что раньше, когда я был совсем маленьким и у меня были маленькие сапоги, я всё время хотел сапоги побольше. Ну, чтоб лужи переходить и на плотиках кататься. Да ещё и чтоб быстрее как-то вырасти. А уж потом, как большие сапоги стали, коротенькие совсем надевать неохота: что я малыш какой?

А раз смотрю: сосед мой Виталий, из армии недавно пришёл, а ходит в малино-сенных сапожках или даже галошах. Ему уже всё равно, галоши или бродни. Надо бродни – наденет бродни, надо галоши – наденет галоши. Это потому, что он повзрослел и ему не надо делать вид.

ПО-ИНСТИТУТСКИ

Однажды учительница по русскому Лидия Андреевна в моём сочинении ошибку нашла. А я проверил, и оказалось, что по правилам всё верно. Я ей показал. А она посмотрела и сказала, что это она по привычке исправила, по-институтски, что, мол, в институте это правило по-другому написано.

Я, конечно, удивился, и только через несколько месяцев понял, что она сама неправильно ошибку нашла, а потом и сказала про институтские правила, чтоб не опозориться. Я ведь случайно это понял, а так бы всё и думал, что в институте и в школе по-разному учат... Тогда зачем нас в школе учить, если в институте по-другому?

Учителя вообще ошибаться не любят и ошибки свои показывать. Они лучше смолчат или как-нибудь вывернутся, если что не так скажут или напишут.

НАШИ СОСЕДИ

Мы у Милых – это наши соседи – уютно жили. А я уронил и сломал. Просто на мой стол письменный поставили. А я торопился, учебники собирал и уронил...

Папа сказал, что всё равно в город везти ремонтировать некогда, а дядя Саша Милый, ну у него и фамилия – такая хорошая, он во всяких приборах разбирается, может, сам посмотрит, а если что – потом откупим.

Дядя Саша как раз на следующий день зашёл, и ничего, не расстроился нисколько. Сказал, что ерунда и никаких откупов не надо, что соседи и что мало ли чего им придётся попросить.

А вчера мы с Милыми, с ребятами, на санках катались. Они ещё совсем маленькие: Лидя в первый класс ходит, а Петька – в третий. Но я-то не больно и катался, два раза только. Я больше их разгонял и запускал. У них здоровенные санки-карыта – под гору такая мощность катится!

Раз я уж больно сильно карету разогнал, и она под конец горы в катыши врезалась, а потом на бок упала. Лидя сразу

Сергей
МУРАШЕВ

Новеллы

заплакала, испугалась, а потом ничего. Петька, тот разозлился, на меня кричал, что, мол, дурак и что мог бы карету сломать. А потом ещё сказал: «Такие, как вы, чего хочешь сломаете. Им уютно дали как путём, а они свой сломали и наш тоже... Таким только давать!». Он совсем как дядя Саша сказал! И было видно, что Петька его слова повторяет.

ЧУЖИЕ СЛОВА

...Я иногда папины, мамыны или ещё чьи слова повторяю. Без всякого умысла повторю – и всё.

С кем-нибудь разговариваешь и опять чужую фразу скажешь. А сам даже об этой фразе не подумал. И, значит, получается, что разговор у тебя с человеком не на равных: он-то свои мысли говорит, которые в голове, а я чужие...

...И даже не ему от этого хуже...

А иногда выучу школьное задание, а там слово какое-то непонятное есть. Но я это слово спокойно говорю, а кругом все думают, что какой я умный...

Да, наверно, все люди какие-нибудь слова повторяют, не думая над ними...

НОВАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА

...Я повзрослел, этой весной девятый класс заканчиваю...

Вон идут сосед Виталий с новой учительницей. Они, наверно, скоро поженятся.

На дороге лужи, грязь, скользко; хорошо что хоть солнце светит и тепло. Новой учительнице грязь побоку: бежит, смеётся. По сравнению с Виталием она маленькая и быстрая. Виталий, тот шагает, как здоровяк, и всё время улыбается.

На дороге, почти около моего дома, несколько ребят из седьмых-шестых классов на велике через лужу ездят. Велик моего соседа напротив – Сашки. А больше никто бы и не стал в такой луже огромной свой велик поганить – только Сашка... Да ещё и ребятам даёт, а те и рады.

Так, из дома, за ними интересно наблюдать, особенно если кто-нибудь не доедет и в лужу упадёт. А к ним я не пойду, они ещё маленькие.

У Виталия очень громко, видно, на полный газ, затарахтел мотоцикл. Но я в другое окно на соседский дом смотреть не стал, мало ли чего. К тому же как раз Сашка через лужу ехал – и переехал, ещё был Крутит теперь педали, улыбается, да назад на лужу и на ребятам посматривает...

...Вдруг Виталий на мотоцикле выскочил, никогда через калитку не выезжал, всё время выкатывал, – а тут... короче прямо в Сашку врезался.

...Я тогда сапоги, куртку надёрнул – и на улицу. Там уже и Сашкин отец, прямо босиком.

Меня послали через два дома на телефон, что оттуда «скорую» из города вызвали. Виталий поехал за машиной.

Когда я вернулся, Сашку уже увезли; Виталий и Сашкин отец тоже уехали. Старый ломаный-переломанный, деланный-переделанный велосипед оттащили к забору. Новая учительница молча подняла мотоцикл, поставила на подножку и встала рядом. Ребята (к тем, которые катались, прибавилось ещё много маленьких) подошли ближе к ней. Я тоже остался.

Мы ждали, ждали, ждали... Я даже устал ждать. Непонятно, что чего и зачем ждал. Прибжал Тузик, самый глупый и добрый пёс в деревне. Он подошёл к мотоциклу, обнюхал и, подняв лапу, пометил переднее колесо. Маленький первоклашка Витка, единственный, кто, кроме меня и учительницы, ещё ждал, засмеялся. – Ты что? Если паренёк умрёт, человека могут в тюрьму посадить, а ты? – сказала новая учительница. Витка притих.

ЖЕСТОКОСТЬ

Сашка умер, уже больше чем девять дней прошло. Я дрова прикладываю, Сашкин отец тоже прикладывает.

По улице с маленьким внуком за ручку идёт Ирина Сергеевна. Она большая, широкая, крупная. Всегда улыбается. И голос такой добрый...

Когда Ирина Сергеевна проходила мимо Сашкиного отца, её внук крикнул: – Эй, дядька Ванька.

– Ну...

– Отдай Сашкин велик, он всё равно сдох...

Дядя Ваня дальше стал дрова прикладывать.

– Пойдём, пойдём, Серёженька. За чем тебе велик. На велике страшно ездить, может машинка перемахет. Вот у

дяди Вани сына машинка вжи – и пере-ехала, – Ирина Сергеевна, наклонившись над внуком, резко махнула рукой вдоль по дороге, – вжи – и переехала...

– У-у-у... – Сашкин отец с силой кинул полено в кучу дров, полено даже подско-чило. Потом дядя Ваня пошёл к дому. Маленький Серёжа заплакал.

– А чего, что злился! У всех горе бывает, а ребёнок в чём виноват, – распря-милась Ирина Сергеевна.

КОСМОНАВТЫ

Вот у нас и экзамены. Готовлюсь всё время – билеты учу. А сегодня ещё надо в конец деревни идти. Там отец и дядя Игорь хлев рубят. Мне придётся им на обед суп варить. Хотя мама еды столько наготовила, что можно и так есть...

– Где костёр будем жечь? – спросил я, как только пришёл к срубу.

– Будешь, а не будем. Жги около берё-зы. Только уху вари, а не суп. Игорь вчера на рыбалку сбегал, хайрузов изловил, в ключике в миске лежат.

– Хорошо клюёт, дядя Игорь?

– Не больно, но первый раз ничего.

Я сварил уху. Мужики пришли, всю съели.

– Что-то я не наелся. Игорь, ты как?

– Да тоже чего-то... Я утром слабова-то поел...

– Вари, Женька, тогда ещё и суп.

– Да куда вам, мне ещё к экзаменам... – Вари-вари... – И пошли дальше рубить.

Сварил я и суп, чаю накопятил полный котелок – всё слопали: суп, сало, яйца, хлеб... только чай не допили.

– Ну вы как космонавты.

– Какие космонавты?

– Ну, калорий много употребляете.

По телевизору недавно показывали, что космонавтам специальная пища нужна, в которой калорий много. Что простому человеку столько не усвоить, надо трени-роваться... а вы, как космонавты.

– И ты как космонавт будешь, топором потокаешь столько, сколько мы, – сказал дядя Игорь.

Я почему-то замолчал. А потом подумал, что совсем я ещё не повзрослел, хотя и девятый класс кончаю.

Я учусь в большом городе. Хотя боль-шим он мне показался только сначала. Теперь уже свой, знакомый. Всех улиц я, конечно, не обходил, но специально пока-тался на автобусах, поглазлел. Учусь я в училище. Живу у тёти.

ЛЮБОВЬ

Ходил на городскую дискотеку. Наро-ду много, и я никого не знаю. Хорошо, со мной был троюродный брат Сашка.

Сашка быстро нашёл себе девушку, с которой он целовался всю дискотеку. Сашка с девушкой отойдут друг от друга метра на два, а потом, танцуя, сходятся. Руки в стороны делают – будто крылья птиц. Потом, когда уже сошлись, губами коснутся, но что только больше ничем, и целуются прямо так секунд пять. Они много раз сходились.

Я у Сашки спросил, что это за девуш-ка. А он ответил, что не знает, и знать не обязательно.

На следующий день я снова ходил на дискотеку, только без Сашки. Снова ви-дел ту девушку. И она и какой-то парень снова танцевали лишь похожие на птички «танцы любви».

До поры до времени я не хотел об этом не только говорить, а даже самые даль-ние мысли гнал прочь. Потому что боялся сплунуть, а вдруг из-за меня...

В девятом классе у нас сильно за-болела Лидя Коровина. А Витка безо всяких приглашений стал к ней ходить: отвари разные носил, или ветку какую сломайт, или сосульку интересную. Уроки Лиде помогал делать. А потом, почти всё свободное время – и весной, и летом тоже – они пробродили вместе. Иной раз в лесу или на реке. На рыбалку пойдёшь, например, встретишь и прятнешься за де-ревья, чтоб не сплунуть. Идут тихонечко, всё что-то говорят.

Один раз я слышал, как Лидя своей сестре сказала: «Знаешь, какая-то сила, огромная-огромная. Я боюсь её, так страшно».

Я думал, Лидя с Виткой и учиться по-едут в одно училище или хотя бы в один город. Но оказалось совсем наоборот: как будто специально они даже в разных об-ластях оказались.

А перед тем, как наш класс разьехался на учёбу, Витка однажды, когда мы были с ним вдвоём, завёл разговор:

– Тебе, я думаю, можно. Знаешь, поче-му мы в разные училища пошли?

– Почему?

– Потому что я не хочу её принуждать. Потом поймёт, что к чему, разберётся. Она ещё боится, что это всё её так сильно потпощает и куда приведёт. Но мне кажется, именно эта сила, которую и я чувствую, и она, поможет во всём разо-браться. – Он посмотрел на меня, что-то, видно, такое заметил и добавил: – Пра-вильно мы сделаем, что по разным горо-дам разьедемся. Как думаешь?

– Правильно, – сразу ответил я, как глупый, подумав, что тогда Лидя будет не очень страшно. Ещё я сильно удивил-ся, что Витка умеет так размышлять и у него в голове живут такие мысли, кото-рых я не смог с ходу до конца ни уловить, ни понять...

А вот теперь я получил от Витки пись-мо. И Витка пишет, что он и Лидя почти каждую неделю шлют письма друг другу. И что в этих письмах «разговаривают» не хуже, чем на лесных тропинках.

СЧАСТЬЕ

Я не знаю, что такое счастье. Я его не видел, не ощущал. Другие говорят: «Я счастлив». А я не могу их понять, потому что за словами у меня должно что-то стоять. Я должен знать, что это обозначает.

Так думал я совсем недавно. А теперь, пока стоял на остановке, пока ехал на автобусе домой, пока шёл по родной дерев-не, – ощутил...

Как зайду в избу, мама сразу спросит: «Ну что, котлеток с картошкой или сначала в баньку?». А папа, тот затупит начатую сигарету и: «Соревнования были? Нет? А чего довольный, по физике пятак?». И не надо думать, что родители о тебе слиш-ком заботятся, как о маленьком, и что лезут в твою личную жизнь. Просто они хотят соперничать, соучаствовать. Это ли не счастье?! Конечно, счастье, и для родителей, и для меня. Поэтому счастлив не только тот, который получает, но и тот, который даёт что-то.

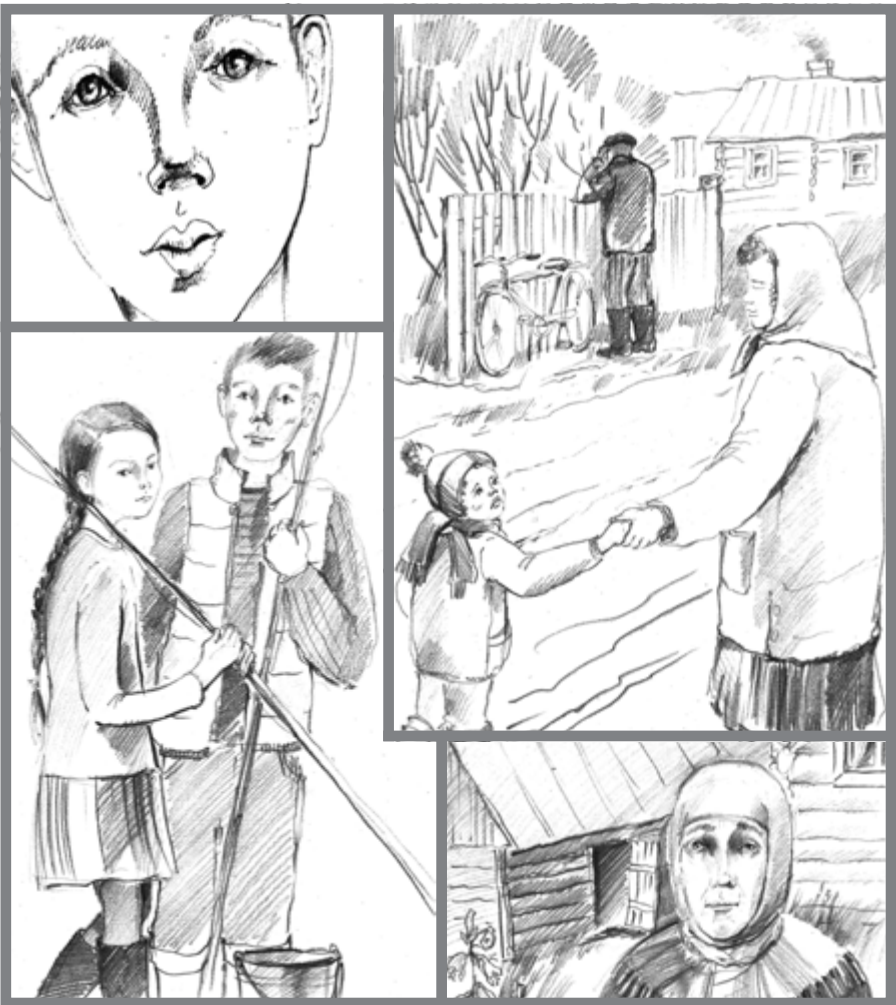
Счастье есть в самых простых, с первого взгляда, незначительных вещах. Просто надо его углядеть, ощутить и всег-да ценить.

Кто же я такой, раз считал, что не знаю счастья? Не ценил, и... может быть, не давал.

ЭГОИСТ

По случаю предновогодних лыжных соревнований домой я приехал только тридцать первого.

От остановки полубежал, хотел попариться. Но оказалось, что у нас гости, и сейчас он в бане. Сначала я сильно рас-строился, так как обычно после приезда привык сразу идти мыться, потом, правда, ничего, отошёл...

Оказалось, что в гостях у нас парень, мне однокласс, – дальний родственник из города. Сначала мама сказала, чтоб я шёл в баню, но потом решила, что может быть, гостю лучше будет одному, может, он привык один. А я подумал: «Он город-ской, так пускай настоящей деревенской бани попробует».

...Из бани гость пришёл неожиданно, прямо ворвался в избу.

– Фуу, жара... Ну и баня, я никогда так не парился.

– С лёгким паром...

– Жараа, жара, какая жара...

– Это деревенская баня!

– ...Я чуть не сдох, чуть не сдох... – Кажется, что гость ошалел от жары и не замечает уже никого. Поэтому я, недолго думая, пошёл в баню.

Дверь в предбанник была чуть-чуть приоткрыта. «Убегал, не прихлопнул», – мелькнула мысль. Но дверь из пред-банника в баню совсем нараспашку. А в бане два таза с грязной водой. Мочалка свисает с полка. Мыло с мыльницей под лавкой. Мне расхотелось не только па-риться, но и мыться. Я посидел немного в предбаннике, потом разделся и пошёл выливать грязную воду, сплоскивать тазы и мочалку... А по беспрядок в бане, хотя мне очень хотелось, решил пока не рассказывать.

ПО ГОЛОВАМ

У нас Таня себе цель поставила: учиться хорошо, потом в институт по-ступить, там, может быть, на стажиров-ку за границу поехать, за границей, в итоге, и остаться.

Таня не местная, поэтому живёт в об-щешкитии. Не в общежитии её не любят – зурбила напая.

Девчата, соседки по комнате, с ней со-всем извелись. Скажут: «Таня, помой по-суду» – «Убегал, не прихлопнул», – «Таня, сегодня дежурить» – «Мне учить». Есть – есть, жить – живёт, а ни варить, ни убирать не помогает. Продукты, правда, возит. Но что продукты?...

Если ей, например, учить надо, а маг-нитфон работает, молча подождёт, ви-лку из розетки выдернет – и всё. Последнее время, девчата говорят, уже совсем Таня обогнала: изнутри в комнате закроется, чтоб ей не мешали, и уроки делает. Сама Таня высокая, полная, так что много не повозикаешь. Да ещё заведу-ющая общежитием её знакомая. Так что Таня, всего скорее, в институт поступит. И там тоже хорошо учиться будет, и во-обще... – чем дальше, тем больше.

Неужто надо добиваться цели всеми средствами.

ВОТ И ВИТКА, ДРУГ МОЙ, ЖЕНИЛСЯ

До этого Витка писал, что он с Лидой поспорился, расстался, а тут – бац! по телефону звонит: «Приезжай! Женюсь!»

Я сорвался. Всю дорогу – в самом деле, как лете! А Витка женится не на Лиде, а на тёмноволосой красавице Саше. У меня настроение упало, и всё на свадьбе было в тоску.

Я, не вытерпев, спросил у Витки толь-ко одно:

– И давно вы познакомились?

А он:

– Месяц! Да ты развлекайся, развлекайся! Моя свадьба, – гуляй! – Потом при-двинуся поближе. – Теперь уж всё.

Вот она жизнь.

ДУРАК

Осенью, по вечерам, часто провожал Витку до дома.

Мне нравится ночной город. Когда в темноте горят окна многоэтажных домов, и ты знаешь, что за ними кто-то живёт.

А Вика мне сказала:

– Ты дурак! Зажигай! Все зажигают! С кем-нибудь.

Чего зажигаю? Где зажигаю? Зачем зажигаю?

А я не хочу стать пустой одноразовой зажигалкой! Ведь не будешь всю жизнь сидеть у огня, разведённого между про-чим. А жизнь одна.

ЛЯГУШКИ

...Когда я рассказываю кому-нибудь о своих мыслях, о своих планах, на-деждах, мне или просто говорят: «Это пока молодой», «Молодой ты ещё со-всем», или в сторону отворачиваются, ухмыляясь.

Я сначала обижался, злился даже. А теперь как-то...

...Вот и двоюродный брат:

– ...Я из армии пришёл, тоже думал... Планов настроил! Наполеоновских! А жизнь показала... – живи как все, не ры-пайся, легче.

...Вика то же самое говорила: «Женя, это ненормально... Нenor-

Потом в клубе концерт был. В кон-це на сцене пели «День Победы». ... Вдруг слышу, кто-то мне мешая, на ухо тихонько прищёпывает. Обернулся. ... Маленькая бабушка. В пуховом платке, в демисезонном пальто. Сидит на краю сиденья, на мой ряд руками оперевшись; ноги назад поджала. На сцену смотрит и слова повторяет. То, что я на неё смо-рю, – не видит.

...Потом мы (ребята кто помладше) в «ляп» около остановки играем. А по до-роге полноватая, небольшого роста же-нщина в спортивках и кофте с молнией, с «хмийей» на голове, ведёт подвыпивше-го старика-ветерана. Старик, особенно против женщины, высокий. В светлом костюме. На седой голове кепка. Пиджак распахнут. Когда старик пошатывается, покачиваются и ноги пиджака. Тогда ме-дали ударяются друг о друга. – Ну зачем пил? – говорит женщина. – Фронтová! Законная! – отмахива-ется старик рукой. Он вообще, всё о чём говорит, руками показывает. – А вторую зачем пил? И без закуски. – Фронтová! Законная! – отмахива-ется старик рукой. – И вторая? На фронте по одной, на-верно, давали! – Что?! – старик даже остановился и повернулся к женщине. – Знаешь ты... – снова пошёл. – Мы под Смоленцем в ата-ку пошли ... а вернулось... – он показал горсть. – А вина на всех было рассчита-но... Так вина было!

Наверно, мне теперь, если вспоми-нилось, всю жизнь не забыть этого праздника.

Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ

Вчера долго сидел у Тани в гостях (пока она собиралась). Наблюдал за дву-мя Таниными братьями...

Карпузы. Оба на полу на ковре, сре-ди кубиков и деталей от конструктора ползают. Большую игрушечную машину-кран катают. У крана есть ручка, чтоб нитку-трос с крючком поднимать, есть – чтоб стрелу поворачивать. Витка, кото-рый старший, пугает, в коротких шор-тиках и футболке мелкими цветочками, босиком. Сашка, тот худенький, малень-кий, только голова, как часто бывает, большая. Колготки сплели, бьются у носков, следки натоптаны. Полосатая ру-башка-безрукавка с якорем на груди (как он сам хвастается – «моская») из колго-ток вылезла.

Разодрались. Витка силой берёт, и всё молча, а Сашка не отступая, куса-ется, кричит. Я хотел разнять, но и сам... боюсь. А они на меня внимания не обра-щают. Правда, сразу их мама, Надежда Александровна, прибежала. Как всегда, чёрные волосы на затылке в пучок со-бранны, рукава кофты закатаны. Сама в чёрных широких брюках. И Таня на неё не похожа.

– Так! Ну-ка перестаньте! – присела к сыновьям. – Сейчас совсем заберу. Ну-ка по очереди! Кто умнее? Кто умнее – пусть уступит.

Ребята успокоились и сидят смирно, тогда Надежда Александровна опять к своему делу. Я вообще ни разу не видел её без дела. (Правда, она одна, не заму-жем. Трудно.)

Как только мать ушла, ребята опять засопели. Витка кран забрался обе-ими руками. А Сашка тогда (на полу си-дел) голову вверх поднял и заныл. На этот раз Надежда Александровна только в дверях мелькнула, бабушка их прибе-жала. Стройная, быстрая, дома всегда в спортивных костюмах. Платка не наденет, не то что наши бабушки. Седые волосы завивает.

– Санюшка, Санюшка. Что милень-кий? Обидел? Стукнул?... Ох бандога! – на Витку для вида замаяхнулась, но кран оставила. Сашку, который уже только всхлипывает, на руки взяла. – Что, Санюшка, что? – по голове гладит. И опять к Витке: – Он ведь маленький ещё! Не по-нимаешь?! – Так Сашку в другую комнату и унесла.

А я Витке улыбнулся и подмигнул. ...Раньше и мы с Лёнкой дрались из-за чего-нибудь. И так же моя мама или его говорили: «Ну, кто умнее? – тот уступит. Ну? Кто умнее?». Я всегда был умнее... или слабее.

А однажды... – это уже в четвёртом классе было...